

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №4, Том 10 / 2019, No 4, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/31FLSK419.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Чупракова Е.В. Особенности языковой концептуализации понятий «женственность» и «мужественность» // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/31FLSK419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Chuprakova E.V. (2019). Special features of language conceptualization of the concepts "femininity" and "masculinity". *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/31FLSK419.pdf> (in Russian)

УДК 811.1

ГРНТИ 16.21.07

Чупракова Екатерина Валерьевна

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Новороссийский филиал, Новороссийск, Россия

Старший преподаватель кафедры «Гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин»
E-mail: Kate.chupr@gmail.com

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=700068

Особенности языковой концептуализации понятий «женственность» и «мужественность»

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу изучения гендерной стереотипизации языка. Автор затрагивает вопрос появления концептов «мужественность» и «женственность», говорит о проблеме гендерного неравенства и гендерной идентичности, которая, в свою очередь, и становится причиной возникновения шаблонов, в особенности, «мужественность/женственность». Рядовому члену социума собственная гендерная идентичность буквально вшита в подкорку головного мозга, вплоть до того, что она воспринимается как нечто генетически обусловленное. Тем не менее, по сути, гендерные различия являются продуктом социальных взаимодействий и одновременно основой и организующим началом социальной жизни. Бинарная гендерная идентичность и обусловленные ею каноны поведения обыденны и поэтому не воспринимаются как нечто значимое или детерминирующее, но встреча с андрогинным человеком, чей пол трудно однозначно идентифицировать исходя из внешних данных или манеры поведения, вызывает у обывателя психологический дискомфорт и настоятельную потребность гендерной идентификации визави. В статье отмечается тот факт, что не только женские достижения умаляются обществом, но зачастую невидимым становится мужское, интерпретируясь как нечто общее, универсальное. Автором представлено определение гендерного стереотипа, произведен анализ его роли в языке, литературе. Патриархальная культура приписывает мужчинам сферу разума (рациональность, точность), а женщинам – сферу чувств (эмоциональную нестабильность, глупость), что выражается в виде общих представлений, а также устойчивых выражений (настоящий мужчина, женская логика и т. д.). В итоге стереотипные представления о женском характере (ментальная ограниченность, повышенная эмоциональность и т. д.) находят свое выражение в речевом поведении женщин. Автором приводятся примеры патриархальной ориентированности языка.

Ключевые слова: язык; гендер; стереотип; концепт; мужественность; женственность; асимметрия

Язык – сложная знаковая система, естественного или искусственного происхождения, соотносящая понятийное содержание и типовое звучание (написание). Язык выражает разные смыслы, один из которых детерминируется гендерным аспектом. Язык отличает мужчин и женщин как минимум в трех отношениях – власти, ценности и внимания. Многие современные исследователи полагают, что социальное конструирование реальности, выраженное в языке, демонстрирует преимущество мужского пола перед женским и тем самым выражает гендерное неравенство. Сущностной характеристикой этого является смешение гендера и языка, провоцирующее непонимание между мужчинами и женщинами [1]. Это непонимание, вызванное, в том числе, и существованием так называемых мужского и женского языков, усугубляется, на наш взгляд, повсеместным распространением категорий «мужественность» и «женственность».

Появление этих концептов и их противопоставление детерминируется исторически сложившимся обстоятельством: половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины [2].

Понятия «мужественность» и «женственность», по сути, отражают властные отношения в обществе, так как связаны с такими явлениями, как иерархия и подавление. Как отмечает Е.Б. Хитрук, все грани гендерного неравенства, осложняемого расовыми, классовыми, сексуальными и эйджистскими предрассудками, обусловлены не биологическими факторами, но детерминируют закрепление в культуре концепта «естественной противоположности полов» [3].

Гендерное неравенство провоцирует массу социальных и культурных проблем, требующих безотлагательного решения. Как правило, под гендерными исследованиями подразумевается поиск решений «женского вопроса», однако это неправомерно, так как на повестке остаются так называемый «мужской вопрос», а также проблемы людей, не укладывающихся в рамки бинарной гендерной идентичности и традиционной сексуальной ориентации. В связи с этим гендерные исследования не должны носить описательный характер, просто отражая ролевые модели, статусные ожидания, традиции и нормы фокусных социальных групп, а представлять собой анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе и через гендерные роли, и отношения [1].

Итак, важным аспектом человеческого измерения реальности является гендерная идентичность. Большой частью любого традиционного социума она воспринимается как обязательный элемент, некая скрепа или «столп земли». Отсюда агрессивное восприятие людей, не вписывающихся в традиционные рамки бинарной гендерной идентичности и шаблон «мужественность/женственность».

Гендерная идентичность – социокультурный конструкт, который отражает и воспроизводит в культурном контексте ту или иную интерпретацию фактического материала человеческой физиологии. Чаще всего эта интерпретация производится в контексте мужского доминирования, что подразумевает политический аспект, то есть принцип распределения властных полномочий и разного рода предпочтений, закрепленных за некоторыми группами людей [3]. Известный американский социолог Майкл Киммел выдвинул постулат об обратной зависимости между привилегиями отдельных социальных групп и объективными различиями между этими группами, то есть не различия формируют предпочтения, но предпочтения определяют эти различия. «Невозможно объяснить гендер без соответствующего понимания власти, не потому что власть является следствием гендерного различия, а потому что власть –

именно то, что производит гендерные различия. В то время как другие теории объясняют мужское доминирование как результат половых различий, социальный конструкционизм видит в различиях результат доминирования» [4].

Рядовому члену социума собственная гендерная идентичность буквально вшита в подкорку головного мозга, вплоть до того, что она воспринимается как нечто генетически обусловленное. Тем не менее, по сути, гендерные различия являются продуктом социальных взаимодействий и одновременно основой и организующим началом социальной жизни. Бинарная гендерная идентичность и обусловленные ею каноны поведения обыденны и поэтому не воспринимаются как нечто значимое или детерминирующее. Однако, как отметила выдающийся американский социолог Джудит Лорбер в своем труде «Пол как социальная категория», встреча с андрогинным человеком, чей пол трудно однозначно идентифицировать исходя из внешних данных или манеры поведения, вызывает у обывателя психологический дискомфорт и настоятельную потребность гендерной идентификации визави [5].

Наряду с умалением ценности всего женского можно и нужно говорить о «невидимости мужского». Мужское ускользает от всяких обозначений, подразумевая человеческое, то есть универсальное, исторически обусловленное и объективное. Что бы ни сотворили мужчины в культуре, литературе, истории, – все это будет считаться общими, универсальными достижениями, дисциплинами, таким образом отмечая сомнительность женского вклада в общечеловеческое наследие [3].

Это находит свое языковое выражение в ряде гендерных стереотипов. Гендерный стереотип – это устойчивая внутренняя установка, обусловленная социумом, с недостатком когнитивного компонента, касающаяся места, функции и роли мужчины/женщины в социуме. Стереотипам свойственно укореняться в подсознании, при этом они сложно преодолимы и практически не осознаваемы и воздействуют практически на каждого. Как и любые другие, гендерные стереотипы отражают лишь лапидарную версию реальной ситуации, но, тем не менее, они затрагивают все аспекты жизни социума – исторический, социальный, экономический, культурный, религиозный, политический [2]. Согласимся с И.С. Клециной, которая подчеркивает, что гендерный стереотип является «упрощенным схематизированным, эмоционально окрашенным образом мужчины и женщины».

В языке гендерные стереотипы фиксируются в виде устойчивых выражений, можно сказать, шаблонов, которые отражают представления социума о мужественности и женственности как атрибутах половой принадлежности. Эти шаблоны одновременно и репрезентируют существующую культуру взаимоотношений между полами и демонстрируют, какой она должна быть, выражая некие эталоны женственности и мужественности и, соответственно, ожидаемое и социально одобряемое «мужское» и «женское поведение».

Очевидно, что социальные конструкты «мужественность» и «женственность» есть базис гендерной культуры и ментальности, и понимание этих концептов является важным как для коммуникации внутри одной культуры, так и для межкультурных коммуникаций. Однако понимание не подразумевает автоматического согласия с диктатом этих конструктов.

Понятия мужественности и женственности являются (пока еще) неотъемлемой частью любой культуры, находя свое выражение в языке, фольклоре, литературе, менталитете, обрядовой стороне жизни, рождая в совокупности присущие каждой культуре (но не одинаковые) стереотипы, касающиеся пола и гендера. Пол выражает биологическое, гендер – надбиологическое, наносное в какой-то степени, отношение социума к полу. Отсюда и ценностная разница в оценке каждого гендера. С одной стороны, стереотип, как правило, подразумевает некую косность, а в случае с гендерными вопросами – еще и шовинизм, с другой – стереотипы отражают регламентацию действий мужчин и женщин в социуме,

зафиксированную в коллективном сознании, таким образом, можно сказать, что гендерные стереотипы – это алгоритмы поведения. Как отмечает исследователь М.В. Войченко, в целом стереотипы являются составной частью культуры и играют значимую роль в защите социальных ценностей группы, характеризуясь эмоциональностью, а также высокой степенью устойчивости [6].

Стереотипные представления о качествах, приписываемых мужчинам или женщинам, определяют концептуальность понятий «мужественность» и «женственность» и показывают отношение общества к мужчинам и женщинам. Таким образом, считает исследователь И.Е. Герасименко, гендер, выступает как фактор, обуславливающий поляризацию культурных, психологических и социальных явлений в сознании и в языке, которые можно отнести к области концептов [2].

Традиционная (патриархальная) культура выстраивает достаточно четко очерченные границы гендерной идентичности, в пределах которых мужчинам приписывается сфера разума (мужской характер подразумевает рациональность, логику, интеллект), удел женщины – сфера иррационального, чувственного и телесного, что порождает отождествление женщины с двумя главными приписываемыми ей функциями – сексуальной и детородной.

Эта дихотомия выражается вербально:

- в виде общих представлений, отражающих при этом личностные качества: мужчина – разумность, рациональность, сила (мужской ум; мужчины больше б сделали, если б бабы меньше говорили; мужское слово – одно); женщина – эмоциональность, глупость, слабость, непостоянство (все бабы – дуры, не потому, что дуры, а потому что бабы; у бабы семь пятниц на неделе; бабий язык – что помело и т. п.);
- в виде устойчивых сочетаний (женское счастье, женская логика, женские штучки, мужская работа, настоящий мужчина, поговорим как мужчины).

То есть в коллективном сознании эталон мужчины выражается в таких качествах, как твердость, прямота, смелость, сдержанность, в то время как женщинам вменяется интеллектуальная недостаточность, повышенная эмоциональность, своеобразие мышления.

Семантический анализ вышеупомянутых словосочетаний наглядно демонстрирует гендерную асимметрию и двойные стандарты морали и эталонных ожиданий поведения для мужчин и женщин. Степень устойчивости этих сочетаний отражает фиксацию в языке особых свойств характера, автоматически приписываемых человеку на основании его гендерной принадлежности.

Гендерная стереотипизация языка выражается не только в устойчивых выражениях, отражающих социальные роли и социальные ожидания, приписываемые мужчинам и женщинам, но и в коммуникативных стратегиях, корни которых, по мнению многих ученых, уходят в детство, так как мир детства в вербальном выражении не целостен и можно говорить о мире мальчиков и мире девочек. Гендерное деление продолжается и дальше, и в итоге стереотипные представления о женском характере (ментальная ограниченность, повышенная эмоциональность и т. д.) находят свое выражение в речевом поведении женщин. Женская речь непосредственна, несдержанна, эмоционально сильно окрашена, что выражается в гиперболах, сравнениях, эмоционально-оценочных суждениях. Речевое поведение мужчин, как правило, нацелено на достижение и сохранение независимости и высокого статуса. Женские коммуникативные стратегии работают на установление контакта, мужские нацелены на решение возникающих проблем. Причина этому не только характерные особенности, но и разная степень вовлеченности мужчин и женщин в функционирование социума. Традиционно

считается, что мир мужчин – это, в первую очередь, внешний, деловой мир, мир большого социума, мир женщин – внутренний, мир, т. н. малый социум – мир семьи и личных взаимоотношений. Существуют определенные социальные ожидания от коммуникативных стратегий каждого пола, где главным коммуникативным жанром для мужчин является беседа-информация, а у женщин – частная беседа. Кроме того, от женщин ожидается ориентация на собеседника и подчиненная роль в общении.

Язык патриархально ориентирован, в нем зафиксированы мужские качества как эталон общечеловеческих, в то время как женские оцениваются достаточно негативно. Так, мужчину сравнение с женщиной всегда дискредитирует: «болтлив/истеричен/кокетлив как баба», в то время как женщину сравнение с мужчиной украшает: «у нее мужской ум/характер, мужская хватка». В русском языке достаточно сильно зафиксирована установка, что все хорошее в женщине – от мужчины, она находит свое выражение во многих пословицах, поговорках и устойчивых выражениях.

Единственным способом изменить подобное восприятие социумом, станет внесение соответствующих коррективов в культурные ценности общества в целом и каждого в отдельности. Поскольку люди воспринимают мир опосредованно через культурную призму языка (тезис Сапира – Уорфа), то достижение поставленной задачи возможно лишь при условии, что будет изучен гендерный строй языка и на основе полученных данных будет выработана стратегия преодоления или модернизации гендерной асимметрии [7].

Пока можно говорить о том, что гендерная асимметрия также асимметрично «исправляется». Так, современная литература, все еще очевидно разделяющаяся на мужскую и женскую, наглядно демонстрирует изменение дихотомии мужское/женское в большей степени только в женской прозе. В художественных произведениях авторов-женщин конца XX – начала XXI в. представлен ряд мужских персонажей, опровергающих традиционные представления о маскулинности [8]. Можно выделить целую плеяду образов «слабых» мужчин, не соответствующих стереотипам доминантности: Илья Гольдберг (Л. Улицкая «Казус Кукоцкого»), Самуил Мендес и Алик Шварц (Л. Улицкая «Медея и ее дети», Номер Один (Л. Петрушевская «Номер Один, или В садах других возможностей»), Мозес-Морас (Л. Элтанг «Побег куманики»), Ромочка (Т. Лисицкая «Идиотки»), Вадим Громов (И. Грекова «Вдовый пароход»), Яков Бах (Г. Яхина «Дети мои») и т. д. Но проблема не в том, что «современные авторы-женщины ... таким образом и формируют, и отражают существующий в обществе гендерный стереотип «героя нашего времени» – инфантильного мужчину, не способного быть опорой семьи» [9], а в том, что многими современными исследователями женской прозы подобные изменения трактуются однозначно негативно.

Так, исследовать Л.Г. Ягафарова отмечает трансформацию концептов «женственность» и «мужественность» в современной женской литературе, но, по ее мнению, стирание социально-обусловленных гендерных черт, присущих литературным персонажам обоего пола более раннего периода, у героев современной литературы автоматически подразумевает наличие у них противоположных черт. То есть, если герой книги лишен черт, присущих традиционному пониманию концепта «мужественность» – брутальность, смелость, героизм, сила и спортивность, то есть тех, что обозначаются общим словом «маскулинность», значит, он склонен к женоподобности. По мнению Л.Г. Ягафаровой, в современных культурных практиках мужчины и женщины не просто приобретают черты, свойственные (приписываемые) противоположному полу, но полностью меняются ролями, что подразумевает новый тип мужчины – чувствительного, ранимого, метросексуального, а значит – женоподобного [10].

Таки образом, вместо развития, адекватного изменениям в обществе, такие социальные конструкты, как «женственность» и «мужественность» просто полярно меняются местами, оставаясь, по сути, константными и резистентными. Но, находясь в прямой зависимости от

уровня понимания себя человечеством, они должны меняться содержательно в соответствии с переходом на новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стебунова Е.И. Язык модернизации или модернизация языка? Гендерные аспекты в современной культуре // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 170–174.
2. Герасименко И.Е. Концепты «мужественность» и «женственность» как основа гендерной культуры и ментальности // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 22. – С. 40–44.
3. Хитрук Е.Б. «Невидимость мужского» как маркер гендерного неравенства в теории Майкла Киммела // Logos et Praxis, 2017. Т. 16. № 2. – С. 16–23.
4. Киммел М. Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006. – 464 с.
5. Кардапольцева В.Н. Женственность как социокультурный конструкт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 2005. № 1(8). – С. 62–76.
6. Войченко В.М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре // Вести Волгоградского государственного университета, серия 2, Языкознание. 2009 № 1(9). – С. 64–70.
7. Кирилина А.В., Терентий Л.М. Концептуализация понятий мужчина, женщина, мужественность, женственность по данным лексикографических трудов и национального корпуса русского языка // Вопросы психолингвистики, 2015. № 26. – С. 82–97.
8. Семикина Ю.Г. Проблема реализации гендерных стереотипов в художественных произведениях авторов-женщин конца XX – начала XXI // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2012. Вып. 6, т. 70. – С. 123–124.
9. Эргашева Г.И. Принципы описания языков мира: гендерный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 9 (391). Филологические науки. Вып. 102. С. 184–190.
10. Ягафарова Л.Г. Переосмысление гендерных стереотипов в «женском» романе // Проблемы истории, филологии, культуры, 2011. – С. 334–339.

Chuprakova Ekaterina Valerevna

The Krasnodar university of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation
Novorossiysk branch, Novorossiysk, Russia
E-mail: Kate.chupr@gmail.com

Special features of language conceptualization of the concepts "femininity" and "masculinity"

Abstract. This article is devoted to the study of gender stereotyping of language. The author touches upon the emergence of the concepts of "masculinity" and "femininity", speaks about the problem of gender inequality and gender identity, which, in turn, becomes the cause of the emergence of patterns, especially "masculinity/femininity". An ordinary member of society has his own gender identity literally sewn into the subcortex of the brain, to the point that it is perceived as something genetically determined. Nevertheless, in essence, gender differences are the product of social interactions and, at the same time, the basis and organizing principle of social life. Binary gender identity and the canons of behavior caused by it are ordinary and therefore are not perceived as something significant or deterministic, but when meeting with an androgynous person, whose gender is difficult to uniquely identify based on external data or behavior, causes psychological discomfort and an urgent need for gender identification of the counterpart. The article notes the fact that not only women's achievements are diminished by society, but often the male becomes invisible, being interpreted as something General, universal. The author presents the definition of gender stereotype, as well as their role in language and literature. Patriarchal culture ascribes to men the sphere of reason (rationality, accuracy), and to women – the sphere of feelings (emotional instability, stupidity), which is expressed in the form of General ideas, as well as stable expressions (real man, female logic, etc.). As a result, stereotypical ideas about the female character (mental limitation, increased emotionality, etc.) find their expression in the speech behavior of women. The author gives examples of Patriarchal orientation of the language.

Keywords: language; gender; stereotype; concept; masculinity; femininity; skewness

REFERENCES

1. Stebunova E.I. (2015). Language upgrade or language upgrade? Gender aspects in modern culture. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 27(382), pp. 170–174 (in Russian).
2. Gerasimenko I.E. (2008). The concepts of “masculinity” and “femininity” as the basis of gender culture and mentality. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 22, pp. 40–44 (in Russian).
3. Khitruk E.B. (2017). “Invisibility of the male” as a marker of gender inequality in the theory of Michael Kimmel. *Logos et Praxis*, 2(16), pp. 16–23 (in Russian).
4. Kimmel M. (2006). *Gendernoe obshchestvo. [Gender society.]* Moscow: Russian Political Encyclopedia, p. 464.
5. Kardapol'tseva V.N. (2005). Femininity as a sociocultural construct. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 1(8), pp. 62–76 (in Russian).
6. Voychenko V.M. (2009). Reflection of gender stereotypes in language and culture. *News of Volgograd State University, series 2, Linguistics*, 1(9), pp. 64–70 (in Russian).
7. Kirilina A.V., Terentiy L.M. (2015). Conceptualization of concepts man, woman, masculinity, femininity according to lexicographic works and the national corpus of the Russian language. *Psycholinguistics*, 26, pp. 82–97 (in Russian).
8. Semikina Yu.G. (2012). The problem of the implementation of gender stereotypes in the works of female authors of the late XX – early XXI. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 6(70), pp. 123–124 (in Russian).
9. Ehrgasheva G.I. (2016). The principles of describing the languages of the world: gender aspect. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 9(391), pp. 184–190 (in Russian).
10. Yagafarova L.G. (2011). Rethinking gender stereotypes in a "female" novel. *Problems of History, Philology, Culture*, pp. 334–339 (in Russian).